

Министерство культуры и молодёжной политики Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте

**«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу**

Евгений Чепурных

Перелётное счастье

Стихи

Русское эхо
2009

Чепурных Е.П.

Ч 44 Перелётное счастье: Стихи. — Русское эхо: Самара, 2009. — 160 с.

978-5- 904319-01-4

Евгений Петрович Чепурных родился в 1954 г. в г. Чапаевске Куйбышевской области. Учился в Куйбышевском государственном университете и Литературном институте им. Горького. Служил в Советской Армии. Автор семи поэтических сборников. Печатался в журналах «Юность», «Наш современник», «Москва», «Волга», «Русское эхо», «Всерусский собор», «Бийский вестник» и др.

Сборник «Перелётное счастье» составлен как из новых, так и из ранее опубликованных стихов.

Е.П. Чепурных — лауреат премий журналов «Юность» и «Волга» за лучшие стихи года, Всероссийской премии им. Дмитриева и I премии на Первом всероссийском фестивале иронической поэзии в Нижнем Новгороде.

978-5-904319-01-4

© Чепурных Е.П., 2009.
© Русское эхо, 2009.

Тринадцатая строка

...А когда задрожал в руке
Леденистый фужер, искрясь.
На тринадцатой
На строке
Кровь невинная пролилась.

Обожгла.
Обратилась в суть,
Испаряя животный страх.
Я не знал, что кого-нибудь
Будут резать в моих стихах.

Отвернулся на два глотка.
Думал: выпью — и все дела,
А тринадцатая строка
Кровью жертвенной истекла.

И теперь в тишине крутой
Я тянусь через все стихи
Окровавленной рукой
До четырнадцатой строки.

И всплеснёт она, как волна,
И уколёт, как остриё.
И отмоет меня она
От всего, что есть не моё.

* * *

Как змея, соскользнув со ствола,
Оценив мою злую унылость,
Шелестящая осень вползла
Мне на плечи. И там поселилась.

Я не высох, не пал, не зачах,
Я хожу со змеей на плечах
И пускаю слова на распыл
Как заштатный болтун бестревожно.
Я не то чтоб тебя разлюбил,
Просто понял, что это — возможно.

Просто понял, что нынче могу
Через золото видеть пургу.
Непричёсанной глупой душе
Не положено умничать-думать.
Я не то чтобы умер уже,
Просто понял, что это — раз плюнуть,

Что во времени, пущенном вскачь,
Так бывает: пред тем, как расстаться,
Обнимается с жертвой палач.
Больше не с кем ему обниматься.

Бродяга

Он не врёт, неумытый кочевник,
На здоровье пеняя своё.
Говорит, собирався в деревню,
Да, видать, не дошёл де неё.

Не дойти до небесного града,
Не присесть царским гостем к столу.
Но для каждого русского зада
Место есть на бетонном полу,

Где хрустят перебитые кости
В спёртой сырости долгих ночей.
Где мы все — неумытые гости
Для суровых своих сторожей.

* * *

Один лишь раз в судьбе непышной
Я небеса поцеловал.
Пусть с журавлём промашка вышла,
Зато журавлика поймал.

Он, свыкшись с долей неизбежной,
Живёт в кармане много лет.
Он маленький
И очень нежный.
Ни у кого такого нет.

Он подрасти уже не смеет.
Угрюмым небом позабыт,
Курлыкать вовсе не умеет,
Зато немного говорит.

Пуглив, как чиж, всегда взволнован,
Он — Маугли наоборот.
Он сам не знает, для чего он
На свете, собственно, живёт.

Безгрешна в мире многогрешном
Его душа — моей сестра.
Я б познакомил их, конечно,
Я сердцем чувствую: пора...

* * *

Твои рассыпанные зёрнышки
Дыханьем чистым сквозь дымы
Всходили вновь на самом донышке
Переполюнявившей душу тьмы.

Скорбящее за человечество,
О, как ты терпишь каждый день,
Моё Небесное Отечество,
Свою поруганную тень?

* * *

А город пуст, как степь сама.
И тихо в нём, как в белой спальне,
И на лице моём зима,
И на руках моих зима.
Печально горе от ума,
Но горе от любви — печальней.

С землею снег соединён
Синичьей штопкою поспешной.
На трезвой свадьбе двух времён
Нельзя искать пропавших жён.
А ежели искать любовь,
То не на свадьбе же, конечно.

— А где ты раньше был?
— Бог весть...
Зачем зачитывать поэмы?
Всех старых кос не переплесть,
Всех тёмных дыр не перечесть.
Вы мне скажите, где я есть,
А где я был — мои проблемы.

«Вишневый сад» и «Три сестры»
Игральной побиты фишкой.
Зачем я вылез из норы
С такими книжками под мышкой?

Зачем, прищурясь, блеск сношу
Богемы полуиностранный,
Ослепшей бабочкой кружу
Под яркой лампой окаянной.

Зачем овладевает вновь
Мной, в малодушьи уличённом,
Такая смутная любовь
Ко всем сердцам, любви лишённым?

А город пуст, как степь сама.
Пусты глаза. Пушисты брови.
И на душе его зима.
И на лице его зима.
И на руках его зима.
Естественно, помимо крови.

Новогоднее

Яркая, словно пожар,
В блёстках из праздничной пыли.
Здравствуй, мой ёлочный шар,
Рад, что тебя не разбили.

Снова взойдя на престол,
В мире царишь по привычке.
Всё ли ещё валидол
Носишь тайком в косметичке?

Где он, твой нынешний бес,
Тот, что тебя вдохновляет?
Где он, мой новый Дантес?
Что ж он в меня не стреляет?

Вот он. Суровый на вид.
С рюмкой амброзии горькой
Фундаментально стоит,
Словно горилла под ёлкой.

Падают блёстки на пол
Средь мишуры новогодней.
Дай-ка ему валидол,
Что-то он бледный сегодня.

* * *

Коснётся крылом в одночасье:
— Будь счастлив, душа-человек!
Летит перелётное счастье
И перья роняет на снег.

И пёстрые, как папуасы,
Они замерзают в пургу.
Подходят к ним снежные барсы
И нюхают их на снегу.

И щурятся ветру вдогонку,
Рычат на своих же щенят.
Понуро отходят в сторонку
И нервно хвостами стучат.

А тот, что остался за морем,
Душа-человек, может быть,
Поймал перелётное горе
Да так и остался с ним жить.

* * *

Говоришь ей: «Дорогая...» —
А однажды вдруг придёшь,
А она уже другая,
Непонятная, как дождь.

Да и сам ты непохожий
Смотришь, словно не любя,
И летит сквозь пальцы дождик.
Что идёт не для тебя.

Это мастерская сцена.
Отшлифованный процесс.
Это даже не измена,
Просто — человек исчез.

Нет ума — считай калека.
Нынче дождь,
А завтра снег.
Не ищите человека.
Не вернётся человек.

* * *

Кто расстался с надеждой,
Бегите ко мне —
Рвать багульника ветки при полной луне.

Будет каждая ветка подобно свече
Светом розовым вспыхивать в лунном луче.

Светом розовым — раз.
Светом розовым — два.
Розовеет вода. Розовеет трава.

Розовеет лицо, что бледнело вчера.
Будет смех до утра
И костёр до утра.

И кудрявый висок,
И цветной сарафан,
И лукавой рукой поднесённый стакан.

Подари — не возьму.
Поцелуй — не хочу.
Осторожный рассвет прикоснётся к плечу.

И вздохнёт, как старик,
Хоть ещё молодой.
И задует кострище над сонной водой.

Он потряхнёт рукавом
Шириной в полстраны,
И надежда вспорхнёт в наши души и сны.

Свечи

Проходим, каблуками не стуча.
А сельский храм без свечек невозможен.
А в сельском храме
Каждая свеча —
Она чуть-чуть на ангела похожа.

Их чистоту не понимает мозг.
Но сердце зрит и тает понемножку.
И падает
С незримых крыльев воск
В заботливо подставленную плошку.

* * *

В могиле неизвестного поэта,
В которую мы ляжем без имён,
Мерцают рядом свечка и комета,
Сроднившиеся в громе похорон.

Мы не прошли в анналы и журналы.
Живя в тени, мы не отвергли тень.
Мы ляжем здесь —
Одни провинциалы
Из русских городов и деревень.

Смеясь, плутаем вдоль путей-дорожек
И крошим хлеб печали и страстей.
И, как ни странно,
Этих малых крошек
Хватает на прокорм России всей.

* * *

Лихо зеркало горит,
Загоревшись ярким днём.
Будто мир благодарит
Лишь за то,
Что он есть в нём.

И что нету пустоты,
От которой всем темно,
И что есть трава, цветы,
Старики и домино,
И за то, что высь светла.

Уважаю этот взгляд.
Молодые зеркала
Отражают, что хотят.

* * *

У английской королевы
Есть поэты при дворце.
А у этой бедной девы —
Лишь румянец на лице.

У английской королевы
Есть болонка и бульдог.
А у этой бедной девы —
Лишь косынка и платок.

Нам к английской королеве
Не попасть за сотню лет.
Но и к этой бедной деве
Тоже что-то ходу нет.

Потому и плачет дева,
Плачет дева на крыльце.
Горько плачет королева,
Словно дева, во дворце.

* * *

Мороз морозит зло
И в окнах темь и дрёма.
И небо тяжело
Лежит на крыше дома.

И над окном сопит,
И осыпает ветки.
И как оно там спит,
На этой «табуретке»?

* * *

Потеряла мужика.
Скромного такого.
Призадумалась слегка:
Где найти другого?

Подошла к окну на миг.
Соловей поёт.
«Где он нынче, мой мужик,
Может, водку пьёт?»

Ладно, не тоскуй навзрыд,
Больше не дури.
Вон на лавочке сидит,
Подходи — бери.

* * *

Ни огня во мраке длинном,
Где и зрячий — как слепой.
Спит коробка с пластилином,
Спим в коробке мы с тобой.

Поутру, как замаячит
Проблеск дня в щелях дверей,
Снова слепит милый мальчик
Дом, деревья и людей,

Солнце, брёвна на запруде,
Нас, коляску и дитя.
Если ж нынче позабудет,
Слепит тыщу лет спустя.

Девочка

Костёр развела.
Заблудилась в лесу.
Чего-то ждала,
Теребила косу.

Смотрела в огонь
Или чуда ждала?
У батьки ладонь
На неё тяжела.

Как грозно он глянет.
Как дёрнет косу
За это гулянье
Без спросу в лесу.

И хворост в огне
Не сгорал дотемна.
И долго во сне
Улыбалась она.

* * *

Один врунишка-хвастунишка
В траве высокой долго спал.
Бродили муравьи под мышкой,
Кузнечик песнь свою ковал.

А человечек был пустяшный.
Середка сбоку. Пыль в глаза.
Летали бабочки бесстрашно.
Лениво плыли небеса.
Он спал. Он молод был и холост,
И, как дворняжка, одинок.
И не раздался с неба голос:
Мол, так и так, вставай, пророк.

И снилось: все его любили,
Кто попадался на пути.
И на руке часы забыли,
В какую сторону идти.

О, как же это всё нелепо,
Необъяснимо до чего!
И не раздался голос с неба.
Я помню.
Не было его.

* * *

Ночь. Прогулки по полю.
Разговор на крыльце.
Только глупости помню,
Только глупости все.

Ночь.
И слышно спросонок,
Что от тайных обид
Вся земля, как волчонок,
В лунный омут скулит.

Потихоньку.
Не споря
С тяжелой долей своей.
И не хватит нам горя,
Чтоб скулить вместе с ней.

* * *

Ах, ничего не понимая,
Легко в пути. Легко в пути.
Я тут живу в одном трамвае.
Так, ради Бога, заходи.

В окно посмотрим, поскучаем.
Сквозь воздуха и влаги смесь
Деревья, лица посчитаем:
А вдруг одно родное есть?

Ведь даже у любой собаки
Есть покровитель в небесах.
Вдруг отразится жизнь,
Как факел,
В случайно-любящих глазах?

И вот тогда — не будь в обиде
Душа к душе. Наедине.
Убей меня,
Чтоб я не видел
В них
Сострадания ко мне.

* * *

Как просто. Кружится в тоске
Листвы обновившейся ворох.
Взрывается воздух в руке —
И вдруг образуется город.

Фонтаны. Фасады. Мосты.
Трамвай снегириного цвета.
Любимая женщина. Ты,
Как щёголь старинный одетый,

Вниманьем и лаской пригрет.
Как просто. Как просто бывает.
Взрывается воздух —
И нет
Фонтана, фасада, трамвая.

И дали светлы и пусты,
И солнечна тишь вековая.
И только повисли мости,
Стеклянным покрытием сверкая.

* * *

Глядит со снимка под стеклом,
С улыбочкою виноватой,
Он,
Народившийся в двадцатом
И умерший в сороковом.

Глядит, не зная ничего
Про вихрь, что грянет из тумана.
Как уместилась жизнь его
Меж двух ударов барабана?

Меж двух огромных тяжких слёз
Он был, как веточка сирени.
Меж двух обугленных полос
На светлом разуме Вселенной.

Но почему ж я так гляжу
В глаза доверчивые эти,
Как будто бы его сужу
За всё, что случилось на свете.

Как будто верю в этот миг,
Что скал высоких неподвижней,
Стоял бы в мире вечный мир
В связи с его дальнейшей жизнью.

* * *

Рябина. Радость. Первый снег.
Ах, осень, осень,
Ты слишком добрый человек,
Любви не просишь.

Лжи величавой терема.
Хвала людская.
Ты просто любишь нас сама.
За что — не знаю.

Беги лисицей сквозь леса.
Твой ветер молод.
Твои прозрачные глаза
Предать не могут.

Не дышит небо суетой
В дыму, морозе.
Природе не бывать пустой
Ни в коем роде.

И хоть играет гармонист,
Печалью полон.
Но дивный воздух быстр и чист,
Как белый голубь.

Ах, осень! Веры нет слезам.
Но верь легендам:
Ходил и я по небесам...
Когда-то. С кем-то.

* * *

Её не остановишь,
Хоть в тоску
Ударься,
Хоть ночуй в оконной раме.
Не голосуй идущему снежку,
Твоей руки он не заметит вправе.

Уходит.
Легкомысленна и зла.
И влюбчива. И противоречива.
И если бы сегодня не ушла,
Ушла бы завтра,
Слишком уж красива.

Её и криком не воротишь вспять.
Пусть ей в пути фонарики мерцают.
Тут главное — стоять себе,
Стоять.
Иные, стоя, даже умирают.

* * *

Ну вот и дожди подоспели большие.
В полях догорело жнивье.
У этого дерева ветки чужие,
А сердце — моё.

А сердце — моё.
А листва облетела,
В земле обретая жильё.
Нельзя говорить: «Не моё это дело».
Ведь сердце — моё.

Утихла над домом грачей перепалка.
И нынче — не знаю, с чего,
Не знаю, с чего —
Только дерево жалко
Сильней, чем себя самого.

Что делать, родные. Окончена жатва.
Дождёмся весёлого дня.
Что делать, родные. Мне дерево жалко,
А дереву жалко меня.

* * *

Пока меж нами длилась драма,
Там, за окном, все эти дни
Шёл снег
Устало и упрямо,
Как будто бы солдат с войны.

Снегирь ел крохи из кормушки,
Печной дымок струился ввысь.
Пора, пора, друзья-подружки,
Смотреть серьёзнее на жизнь.

И украшать полезным делом
Свой ясный и короткий век.
И землю чувствовать всем телом,
Как этот к ней летящий снег.

Аборт

Старый аист вернулся пустой.
Замечтавшись о местности отчей.
Уронил он над глушью лесной
Несмышлёный горячий комочек.
Струйка ветра добычу взяла,
Понесла, как соломинку волны.
И небесный кузнец два крыла
Отковал под сверкание молний.
И тогда понесло, понесло
Вдаль с пылящею звёздной артелью,
И осталось далече село,
И избёнка с пустой колыбелью.
Где ты нынче, родное дитя?
Мать твоя у окна постарела.
А, бывало, плясала и пела
Босиком под гармошку дождя.
В неприступно-далёком краю
Пожалей.
И, как жизнь молодую,
Отыщи ей сестрёнку свою.
Положи в колыбельку пустую.

* * *

Всё окончится праздничным пеньем
Петуха,
Колыханьем ветвей.
И не громом небесным,
А тенью,
Что несёт под собой воробей.
Обернёшься — мол, что там в итоге?—
И увидишь: в мелькании дней
Тихо лошадь идёт по дороге,
Позабыв, что телега за ней.
Вздых баяна. Крыльцо золотое.
Куст сирени. Поленница дров.
И сидят на завалинке двое —
Жизнь и Смерть,
Как сноха и свекровь.
Как серьёзные люди большие,
Не спеша, без улыбок и слёз,
Все они за меня порешили
И на этом закрыли вопрос,
Никого не поставив в известность.
Мол, вопросику — мелочь цена.
А казалось когда-то, что вечность
Для его разрешенья нужна.

* * *

Что, казалось бы, в жизни случится,
Но вчера из вечерней зари
Вылетали огромные птицы,
Как крылатые фонари.

В голубую и душную темень
К моему подлетали окну.
И стояло песочное время,
Упираясь в песчинку одну.

Поделились таинственным светом...
И, почуявший с ними родство,
Стал я добрым теперь человеком.
Хоть и прежде-то был ничего.

* * *

Мир прочностью внешней обманчив.
Лишь ветер подует сильней,
И жизни твоей одуванчик
Осыплется блёстками дней.

Ну, что ж, пусть печально и просто
В итоге поплачет гармонь.
Я счастлив, что несколько блёсток
Упали ко мне на ладонь.

Пускай их богатство искрится.
И пусть, словно зёрна тоски,
Склюёт их однажды синица
Поодаль от холодной руки.

Воспоминание о Чёрной дыре

Дышит воздухом чистым и песни поёт
Мой воспитанный умный красивый народ.

Подметает дворы, собирает плоды,
Запускает мальков в голубые пруды.

Только лебеди тихо плывут по прудам,
Только солнце скользит по тяжёлым плодам.

Но с далёкой поры, но с Проклятой горы
Дует ветер сквозь щели из Чёрной дыры.

И, дыханьем его потревожен чуть свет,
Просыпается старый и вредный поэт.

И опять продолжает своё колдовство
Обречённая вредная муза его:

«Ни кола ни двора, ни двора ни кола.
Где Россия была, там трава поросла.
Мы возьмём по травинке на память себе.
Мы пройдем по тропинке к чужой городье.
Постучимся и крикнем: «Эгей, пособи!».
И чужие собаки сорвутся с цепи...».

Мой народ, старика дураком не считай.
У него в холодильнике рыба минтай
И от грусти надёжное средство.
Ну, а ежели мало тебе, погляди,
И авось разглядишь на тщедушной груди
Два значка за культурное шефство.

Не смолкает в ушах его шелест знамён.
Запугали, видать, командиры.
Слишком долгую очередь выстоял он.
За струною для собственной лиры.

И никак старика невозможно винить
Лишь за то, что с эпохой не спелся.
Слишком долго тебе его надо кормить,
Чтобы он, бедолага, наелся.

И, любя, сторожить его сон на заре,
Чтобы он, пробудившись порою,
Никогда бы не бегал к Проклятой горе
На свидание с Чёрной дырою.

* * *

Отчаяться сердцем
И выбежать вдруг
Из тьмы и безвестья
В сверкающий круг
И крикнуть:
— Не ждали, собаки!?
О, как у вас весело, чёрт вас дери!
Скорее согрейте меня изнутри,
Простите, что я не во фраке.

Простите, что малость помяты портки.
Привет, иноземцы! Хэлло, земляки!
Обиженный разум клокочет.
А та, что умеет сразить наповал,
Не хочет, чтоб ты её поцеловал,
А просто сидит и хохочет.

А рядом Кирюшка с гитарой. Поёт
И глазом мигает. И водочку пьёт.
И очень блаженно зевает.
И очень светло на душе мужика.
Конечно, его не одобрит ЦК.
Конечно. Но с кем не бывает.

А птицы на юге.
А осень в глазах.
А ветер любви высоко в небесах.
Посмотрим, кого он отыщет.
Как мыльный пузырь, разрывается звук
И гаснет по кругу сверкающий круг.
Мгновение — и пепелище.

А ту, что умела сразить наповал,
Никто не обнял и не поцеловал.
А прочее — сущие враки.
Лишь трезвый Кирюшка плетётся за ней,
Тряся головою седою своей.
Прощайте, собаки!

* * *

Оно ходит по серой метели,
Трёхглазое
Инопланетное существо.
— Поздно, — говорит, — прилетели.
Нету, — говорит, — никого.

Поехали, — говорит, — обратно,
Нечего горевать.
Нет никого, и ладно,
И наплевать.

Вот, — говорит, — повоевали
Земляки.
Хоть бы, — говорит, — подождали,
Сопляки.

Чтоб, — говорит, — зараза
Их взяла.
Но из третьего глаза,
Но из третьего глаза
Потекла...

Мокрая такая слезища...
И передёрнулся весь.
— А может, — говорит, — поищем?
Может быть, кто и есть?

— Пилот! Заводи короче!
Будешь проворней впредь.
И дай-ка, — говорит, —
Мне
(Как его?)
Инопланетный платочек
Третий глаз утереть...

* * *

Хоть столица, хоть задворки,
Хоть, в пример, ни то ни сё.
Только бьют тузов шестёрки,
Бьют паскудники — и всё.

Плесень. Подлая порода.
А шарахнет — и готов.
Повелела мать-Природа
Непреренно бить тузов.

Чтоб не выпала обуза,
Чтобы в некие часы
Не ложилось много груза
На Господние весы.

Чтоб, измерив страсти наши,
Заметённые золой,
Неподвижно стыли чаши
Между небом и землёй.

* * *

Дедушки — все бунтари.
Внуки — одни наркоманы.
Им не понять, хоть умри,
Наши могучие планы.
Митинг назначен на пять:
Граждане! Порох сыреет
Опохмеляйтесь скорее.
Надо Россию спасать.
Вот она, как на духу,
Вся из заплат и печатей,
Вся из скорбей и печалей,
Вся на виду и слуху.
Митинг назначен на пять:
Наши последние толки.
Наши последние торги,
Нечем уже торговать.
Нет ни креста, ни звезды.
Нет ни серпа, ни кадила.
Нету ни шила, ни мыла
И ни прозрачной воды.
Только чернее угля
Дымное небо над нами.
Только родная земля
У горемык под ногтями.
Время не тронется вспять,
Разве что очень попросим.
Митинг назначен на пять.
А дискотека — на восемь.

* * *

Крона осени красна.
Высока. Хрестоматийна.
И певуча, словно церковь,
И, как старость, холодна.

Будь внимательней стократ,
Проходя по хрупкой плоти.
Вспомнишь всех, кого не хочешь,
Сам же будешь виноват.

Тихо вспыхнет под землёй
От твоей походки шорох,
И обманет, как гнилушка,
И рассыплется золой.

Ни о чём, прошу, не пой,
Ни к чему не прикасайся.
Мама. Мама. Эхо. Эхо.
И в тебе и над тобой.

* * *

За хмурость в окнах побрани меня.
За то, что боль былую бередя,
Из вариантов нынешнего дня
Я выбираю вариант дождя,

В котором можно вместе и врасплох
Встать под один брезентовый навес.
Пускай потом через какой-то вздох
Уйду один дождю наперерез.

Уйду, как есть, влюблён и виноват,
Но ощущение выживет во мне,
Как два квартала медленный твой взгляд
Несу к дождю в придачу на спине.

И мне легко касаться на лету
Вот этих влажных быстрых паутин.
Как будто бы я всё ещё расту,
Как в детстве,
Но расту не я один,

А каждый двор и кустик, и мосток —
Весь мир растёт.
И можно потужить,
Что оттого
Я до сих пор не смог
Ему на сердце руку положить.

* * *

Вот так случайно и поспешно,
Одна секунда или две:
Ошеломляющая нежность
К парящей в воздухе листве.

И лишь потом любовью здоровой
Тихонько любим милый край,
Как отрабатываем право
В нём жить,
Родившись невзначай.

Но те могучие мгновенья
В душе, как в глубине земли,
Живут,
На крайний случай, верно.
Чтоб разлюбить мы не могли.

И, если мыслить по порядку,
Чтоб в суть явления забресть,
То вся славянская загадка —
Вот это самое и есть...

* * *

Дождю капать и капать.
Фокусник —
Слёзы мои,
Дай поносить твою шляпу.
Если там нету змеи.

Буду я в шляпе той шляться
На протяжении дня.
Будет она подыматься
Над головой у меня

И шевелиться, и мяться
Будет,
Бочениться всласть.
Будет немного бояться,
Как бы с меня не упасть.

Дождю капать и капать.
Есть вдохновенью предел.
Добрая странная шляпа,
Поздно тебя я надел.

* * *

На базаре, в шумихе воскресной,
Где рубля не жалеет народ,
Неумытый, небритый, но трезвый,
Злой волшебник гармонь продаёт.

Он в глаза посмотреть нам не смеет.
Он утрюм, как медведь после сна.
Злой волшебник играть не умеет
И гармошка ему не нужна.

Превратил бы он в камень планету —
Но давно позабыл волшебство.
И давно разлетелись по свету
Все волшебные вещи его.

* * *

Сказала берёза берёзе,
«Везёт тебе, Настя.
Нежна твоя белая кожа,
Листва зелена.

А я и стара, и корява,
Серёжки мои обносились.
Недавно спросил меня егерь:
«Ну что, зажились?».

— Не плачь от пустячного слова.
Придёт он на завтра,
Спрошу его, старого дурня:
«Зажился, поди?».

* * *

Я больше ни с кем не враждую,
Тебя и себя не хую,
Лохматую белку худую
С продрогшей ладони кормлю.

У белки глазёнки в движеньи,
С испугу остры коготки.
Я чувствую нежное жжение
Сквозь кожу холодной руки.

Сейчас она в сторону ловко
Отпрыгнет,
Мелькнёт меж ветвей,
Красивая эта чертовка
Размером с полшапки моей.

А ветки качаются зыбко.
А мне ещё, глядя в окно,
Останется вспомнить с улыбкой
Её и тебя заодно.

Поскольку ни в мире, ни в доме,
Где я проживаю сейчас,
Никто у меня на ладони
Ещё не гостил, кроме вас.

Никто и не вспомнится, кроме
Двоих равнодушных гостей.
Ведь я не утёр ещё крови
С царапин от ваших когтей.

* * *

Ни плащом, ни курткой венскою
Мне себя не изменить.
Наряжаться — дело женское.
Наше дело — оценить.
И не брать, играя, за душу
Умниц и воображал.
Наше дело — топать рядышком
И держаться за кинжал.

И не быть покорной жертвою,
И в свою не верить власть.
Выстрел в спину — дело женское.
Наше дело — не упасть.

Комета

Промчалась большая комета,
Пугая детей и старух.
Как много случайного света,
Случайного счастья вокруг.

Промокнем, промедлим безгрешно
И нашу любовь подождём
Под этим внезапным и нежным,
Как первый ребёнок,
Дождём.

Поднимем на счастье монету,
В чьём гербе державная мощь.
Так сильно просил я комету!
Она обещала помочь.

Она мне сказала,
Сквозь ветры
Пригрезившись, вспыхнув в груди:
«Вон видишь ту девочку в гетрах?
Она тебя любит. Иди».

И тысяча лет пролетела.
Я шёл. Становилось темно.
А ты всё ждала и сидела
На лавочке возле кино.

* * *

Пахнет рассветом. Тоскливо в природе.
К солнцу ль, к дождю?
Я ухожу, а Иван не уходит.
Я ухожу.

Я говорю ему: «Что ты, как бобик
Ждёшь у дверей?
Видно, чихать ей на нас на обоих,
Спится же ей.

Тысячу раз просквозись и промокни
В чёрный туман.
Эта маркиза на нас и не смотрит,
Слышишь, Иван?

Хватит черпать из сухого колодца,
Выбор велик».
Я ухожу. А Иван остаётся.
Крепкий мужик.

Вот он глядит, молчаливый, как рыба.
Больно в груди.
И говорит на прощанье: «Спасибо.
Ты уходи».

* * *

Ума у кого бы занять?
Живу первоклашкой.
Попробую Пушкиным стать.
Неужто — промашка?

Стою и смотрю на него
С любовью и злобой.
А он говорит:
«Ничего.
Попробуй, попробуй...».

* * *

Вся наша старая семья
Трубит жестокий сбор.
Пять пальцев — это значит я
И четверо сестёр.

Пять пальцев, сжатых смерти вслед,
Господь вас сбереги.
А для отца и пальца нет.
Он стоил всей руки.

* * *

Как старым пальто, я согрелся безмолвьем ночным.
Где солнце слетело на землю пугливым листом.
И вот над моей головой и над сердцем моим
Жилой небоскрёб изогнулся гудящим мостом.

Под этой подковой, светящейся, как ореол,
Над этой рекою, что в землю спешит из земли,
Мой прадед за плугом тяжёлым однажды прошёл.
Его борозда серебрится в дорожной пыли.

Прижать бы к земле раскалённую жизнью щеку,
Почуять грядущее смутно, почти наугад.
И тысяча тапочек шаркнут спокойно вверхху,
И тысячи свадеб и похорон вдруг прогремят.

Куда вы, куда облетаете быстрой листвою?
Смешаются детство и юность, и старость на миг.
Но вечные души парят над моей головой,
И свет не из окон исходит, а прямо из них.

Их взгляды и руки касаются нежно меня.
И мне разобраться капризно уже недосуг
Какая тепла,
А какая уже холодна
Из этих родимых, протянутых бережно рук.

* * *

Смолоду мягче перины кошма.
Замыслов больше.
Смолоду много не надо ума —
Лучше попозже.

Смолоду снятся прекрасные сны,
Дальше — поплоче.
Смолоду, с холоду — щёки красны,
Смолоду — больше.

Птица весёлая свищет в бору.
Птица лесная.
Смолоду думал, совсем не помру.
Нынче — не знаю.

* * *

Не я летел и пел —
Летела щепка в буре.
И то взлетала ввысь.
То поспешала вниз.
Не я себе сказал:
«Да погоди ты, дурень».
А возраст мне сказал:
«Помедли, осмотрись».

И две зари взошли,
Как два холодных сердца.
Рассветная — у ног,
Вечерняя — у глаз.
И соловей молчал,
Уставший от концерта,
Быть может, первый раз.
Я тоже — первый раз.

И стало тихо вдруг,
Как в глубине острога.
И сморщилась земля
На мускулах подошв.
И сто моих друзей
Прошли, как сто ожогов.
И сто моих рублей
Рассыпались, как дождь.

Останется в душе
Чудесное мгновенье:
Дыхание земли
И тишина окрест.
Легко решать, пока
Есть время на решение.
И выбирать легко,
Покамест выбор есть.

* * *

Приходит осень понемногу.
Нас грусть и боль не обошли.
И слава Богу, слава Богу,
Что тепловоз гудит вдали.

И что листва легко и страстно
Летит с берёзовых ветвей,
Что жизнь кратка...

Но то, что кратко,
Оно и любится сильней.

* * *

Черно ли, бело ли в округе
При солнце, звезде иль свечах,
Поющие снежные руки
На зябких счастливых плечах.

Краснеющий круг светофора.
Скопление огней и теней.
Два поезда встречных.
Платформа.
Две встречные жизни на ней.

Мгновенье —
И всё покачнулось,
И всё изошло из груди.
Ну, что ты, душа, встрепенулась?
Поди-ка на место, поди...

* * *

Кого нашли в капусте,
Тому житьё не мёд.
Тому нельзя без грусти,
Что к свадьбе заживёт.

Детдомовец. Цветочек.
Расти же, что есть сил.
Кому же ты, сыночек,
Собой не угодил?

А няне горя мало:
Пока метель метёт,
Тебе на одеяло
Капустный лист пришьёт.

И жарче всех обнимет,
Дивясь твоей судьбе.
И через месяц имя
Придумает тебе.

* * *

Молча петь — это тихая честь,
Молча пой и веди себя строго.
Никого из печальных существ
Легкомысленной песней не трогай.

Молча пой и ликуй, и светись
Незаметным стыдящимся светом.
Приласкала, приветила жизнь?
Молча пой. И ни слова об этом.

Так, наверное, нужно в судьбе,
Где и плачется всласть, и смеётся:
То грешно, что досталось тебе,
То безгрешно, что всем достаётся.

С давних пор и до нынешних пор
Упаси нас судьба от раздора.
Слишком пёстр человеческий хор.
Но нельзя выбиваться из хора.

* * *

Запели птенцы и цветы подросли
На мокрой ладони рассвета.
На круглом краю этой круглой земли
Опять начинается лето.

Опять невозможно не петь соловью.
Спасибо, всемирная тяга,
Что ты удержала нас всех на краю
От самого скользкого шага.

Что бродит в тумане мечтательный лось,
Траву проверяя на спелость,
Что много детишек на свет родилось.
Не много, а сколько хотелось.

А старые люди по лавкам сидят,
А юность гуляет по кругу.
А старые люди на юность глядят,
А юность глядит друг на друга.

Лишь я никого ни за что не сужу,
С землею и возрастом дружен.
На старость гляжу и на юность гляжу,
Но я им обеим не нужен.

* * *

Только раз и бывает такое:
Луч закатный струится теплом
И, как ласковый зверь под рукою,
Шевелится река под веслом.

Под заката багровым навесом
Плыть и плыть, как заправский Колумб.
Мыслей суетных нить перерезав,
Заглядеться в туманную глубь,
Где тебя ожидает веками,
Чтоб проверить с тобою родство,
Этот чудный светящийся камень
Одиночества твоего.

Излучая разлуку и холод,
Хочет он в твоём сердце пожить.
Но ещё ты достаточно молод,
Чтоб, поморщившись, мимо проплыть.

* * *

Любовь рождается со смехом,
Очищенным от суеты.
Как роща с перелётным эхом,
С ветвей сшибающим листы.

Любви бессмысленные речи,
Её свободу и покой.
Её смеющиеся плечи
Не трону каменной рукой.

Не оскорблю тяжёлым снегом
Её весеннего окна.
Любовь рождается со смехом.
Со смехом кончиться должна.

Как дрозд, пришибленный при взлёте,
Чей вздох не слышен небесам.
Всё прочее идёт от плоти,
А плоть привычна ко слезам.

* * *

Слышишь: тает за кирпичною стеной.
Этой ночью тает город ледяной.

Пробудившейся воды шумит оркестр.
Уменьшаются горбатые мосты,
И не могут поделить своих невест
Холостые исхудавшие коты.

Тает город ввысь и вглубь, и вдаль, и вширь.
Словно, временем безжалостно гоним,
Сунул ногу в стремя зимний богатырь
И упала лошадь замертво под ним.

Слышишь: рухнули от неба до земли
Этих башен и балконов хрустали.
И пробился сквозь скорлупки хрусталя
Тёплый запах человеческого жилья.

* * *

О женихе забыла.
Красилась в выходной.
Голову долго мыла
Красной душистой хной.

В розовое оделась,
Чистая, как роса.
В трёх зеркалах гляделась,
В каждом по полчаса.

Вся извелась за ночь,
Плакала до утра.
Думала: «Страшно замуж,
А всё-равно пора».

Птицы зари просили.
Тихо шуршал во сне
Кустик молочных лилий
В тазике на окне.

Можно разок поплакать
В жизни своей большой
Перед настольной лампой,
Словно перед свечой.

Можно вздыхать тревожно,
Можно давать зарок.
Всё-то на свете можно.
Только один разок.

* * *

Нету в доме домового.
Умер выдумщик седой.
Не стерпел худого слова
От хозяйки молодой.

Тишиною дом заполнен,
Дверь без спроса не скрипит.
И никто посудой в полночь
На веранде не гремит.

Половицы одубели
И не слышатся, легки,
У младенческой постели
Осторожные шаги.

Так, однажды без кручины
Вдруг проснёмся тусклым днём
И ни птицы, ни осины,
Ни травинки за окном.

Что бы проще? Честно, строго
Жить, работать и рожать,
Ничего вокруг не трогать,
Никого не обижать.

* * *

В жёстких корках семейный альбом
С дымным взором далёкого предка.
Будто ножны со ржавым клинком
Иль кровать с металлической сеткой,
Допотопен...

Но духом любви,
Что течёт со страницы открытой,
Греет зябкие пальцы твои
В комнатушке, фанерой обитой.

Опустел, осыпаясь в углах,
Дачный дом под корявой ветлою.
И всё выше огонь в небесах,
И всё глубже огонь под землею.

Ни крупинки напрасного зла
На душе в дни осеннего гула.
Вот и проза за сердце взяла,
Проза голою веткой хлестнула.
Вот и проза по жизни ведёт,
Как собака, без просьб и велений.
Кто кого в этой буре найдёт,
Что сгребла нас в копны поколений.

И глядим друг на друга в упор.
Ищет день свой ночлег за полями.
И не можем начать разговор,
Слишком даль далека между нами.

Слишком много упало листвы
И осело сияющей пыли.
И зачем говорить о любви?
Разве мало о ней говорили?

* * *

Пока он любил её искрой последней в душе,
Пока отсчитал её русою девочкой доброй,
Десятки дождей на его ночевали плаще,
Десятки локтей в толчее его били под рёбра.

Пока он раздумывал, что ей сперва говорить,
Какие цветы принести на её именины,
Успел он и мать, и отца, и сестру схоронить,
И многих соседей, и даже друзей половину.

Успел воспитать помаленьку смышлёных детей,
Привык пенсионную книжку иметь пред глазами.
«Я очень люблю вас, — писал он задумчиво ей, —
Я так вас люблю, что и жить не могу рядом с вами.

Что даже, к последнему берегу тихо гребя,
Боюсь оглянуться. И жизнь доживаю угрюмо.
Дошло до того, что я сам бы ударил себя,
Когда бы посмел о взаимности вашей подумать».

Она же читала те письма в прохладе ночей,
Тайком от супруга, который на ревность ленился.
Который давно уж за ветхостью крайней своей
Её не ругал и ночами подальше ложился.

Листва шелестела, как старые письма, во тьме,
Корявые ветки настырно к окошку клонились,
И взрослая дочка тихонько смеялась во сне.
Такие уж, видно, ей дивные глупости снились.

* * *

Грусть, конечно, не искусство.
Кто в ней понимает?
Мухам не бывает грустно,
Лошадям — бывает.

Лошадям бывает очень,
Даже очень-очень.
Да и мне бывает очень
Тоже, между прочим.

Да ещё одной мадаме
С синими глазами
Грустно днями, месяцами
И —
вот-вот —
годами.

* * *

Легко ли грешной жизни радоваться?
Но уходя, но уходя,
Не надо, милая, оглядываться,
Кому-то сердце бередя.

Свою печаль не разбазаривать
И огород не городить.
Не надо петь и разговаривать,
А надо молча уходить.

В душе не изморозь проглядывается —
Зажглась Полярная звезда.
Ведь, кто уходит, тоже радуется
Тому, что приходил сюда,

Где не уймёшь столпотворения,
Хоть сотню раз ещё приди.
Где на любом углу забвение
Дешевле, чем стакан воды.

* * *

Богиня охоты!
Пойдём на охоту со мной.
Подстрелим ворону,
Которая каркает много.
А тигру уступим дорогу
На тропке лесной.
А тигров так мало,
Что их не по-божески трогать.

Богиня охоты!
Отыщем избушку в лесу.
Достану я хлеб из мешка
И заварку для чая.
А тигр пусть гуляет
И в позднем коварном часу
Пуškai нас окликнет
Богатым и страшным ворчаньем.

Ты мне в эту ночь,
Как упавшая с неба сестра.
Я так одинок,
Что на сердце светло и тревожно.
Всё глуше тигриная песнь,
И летит мошкара
На свет очага.
И её воротить невозможно.

Ты будешь задумчива
И молчалива, как бог.
Уснёшь, прислонившись щекой
К голубому колчану.
А утром в окошко
Влетит осторожный листок,
Когда, наконец, я проснусь,
Но тебя не застаю.

* * *

Быть частью бури,
Честно ей служа.
Кружить и разбиваться вместе с ней.
Быть средним лоскутом её плаща
Иль волосом в штормах её кудрей.
Но тихо... Паутинка на часах
На башенных. Пчела летит к лугам.
И пламень полдня сладок на губах,
И шорох полдня ластится к ногам.
Даль далека и тяжела земля.
Вокруг чего? Вокруг какой оси
Вращаются круги Добра и Зла,
Любви и Смерти, Солнца и Руси?
Какому обучаться букварю?
Какому снегу выставить ладонь?
Какие кони мчатся на зарю,
В которой крови нет, но есть огонь.
Она свежа, пурпурна и легка,
Могущественней самых злых сердец,
Как у младенца пухлая щека
И за щекой младенца — леденец.
А перед нею эта тишина,
За тишиною буря и потоп.
Нет, веселей, чем наши времена,
Я не предвижу времени потом.
Быть частью бури. Честно ей служить.
Седлай коня, поедем, где горит.
И вновь
По горло в пепле будем жить,
Поплакав предварительно навзрыд.

* * *

В степи не холодно ничуть.
Ты только погляди:
Снег падает земле на грудь
И тает на груди.

Снегов медлителен порыв,
Как будто поутру
Прошёл косяк небесных рыб
И выбросил икру.

Она светла, она жива
Под грузом непогод.
Не потому ль в степи трава
Так весело растёт.

И воздух всклень, и ярче синь.
И многие века
Восходит глупая полынь
Сквозь череп ямщика.

* * *

Казак из вольницы Степана,
Люби коня и атамана,
Точи палаш на смерть врагу
И бриллиант вставляй в серыгу.
И ты казак, а не разбойник.
А и разбойник — не покойник.
А и покойник — смерть добра
Не от кнута, а от ядра.
Уже приближен час суровый,
Темна Россия за бутром.
Орёл тяжёлый, двухголовый
Затмил сиянье над шатром.
Ты пьёшь в обнимку с есаулом.
Румянец плещется по скулам
И пристаёт на рукава
Вином облитая халва.
Не чуешь ты казацким нюхом,
Что скоро кончится война,
Что бриллиант твой вместе с ухом
Возьмёт державная казна.
И не уйти, не отпроситься
В семнадцать ветреных годков.
И русский царь не шах персидский,
Хоть и боится казаков.

* * *

Певицы тонкий голосок...
Стучала жилочка в висок,
Стояла духота.
Помост эстрадный невысок,
Но всё же высота.

Певица... Кто же мне она
С горячим всплеском рук?
И не сестра,
И не жена,
И не любимый друг,

А вот поди ж ты — как могла
С какой такой тоски?
Почти что за душу брала.
Да руки коротки.

Да этот тонкий голосок,
Как птичий свист далёк, высок.
А прочее — враньё.
Он пел своё,
Моё не мог.
Не знал он про моё...

* * *

А если намертво скрутили
Худые мысли сгоряча,
Звоните в дверь пустой квартиры
И ждите щёлканья ключа.
Там пустота по полу бродит,
Там все уехали на юг.
Но ждите,
Вам сейчас откроют,
Накроют стол, вина нальют.
«Давно нас ждёшь?» — тихонько спросят.
И вы признаетесь: «С утра».
Вздыхнут и скажут: «Скоро осень».
И вы поддакнете: «Пора».
«Пора...» И сразу же, наверно,
Там, за окошком, не спеша
Прольётся бусинкою первой
Дождя жемчужная душа.
Затрепыхается бессильно
Седое грустное крыло.
И это будет так красиво
И так мучительно тепло.
И кратковременно, как эхо,
Мелькнёт догадка наконец,
Что счастья большего, чем это,
Наверное, на свете нет.
Сидеть приятелем залётным
Всю ночь в беседе досветла,
Свои заштопанные локти
Не отрывая от стола.

* * *

Спросите у косых дождей:
— Зачем, косые, моросите?
У белокаменных церквей
Про их историю спросите.

Спросите у любимых глаз,
Откуда зелень в них лесная.
А я живу лишь первый раз,
Я ничего ещё не знаю.

* * *

Как сладко жать! Жечь свет в окошке,
Плясать сквозь слёзы напролом,
Как будто на губной гармошке
Играет месяц над селом.
Как сладко чувствовать потребность
В холодном шуме журавлей.
Как сладко чувствовать ущербность
Безвольной личности своей.
Плясать, грустить, ходить по краю,
Скучать по дому, по жене.
И умереть,
Зачем — не знаю.
Но, чем поздней, тем слаще мне.

* * *

Только тем я и буду утешен,
Что прошли,
Одаряя сполна,
По душе моей несколько женщин.
Но осталась со мною
Одна.

Да, одна.
Посажу её в кресло
И уткнусь, опустившись с небес
Лбом в коленки,
Пока не исчезла,
И покамест я сам не исчез...

* * *

У чужого человека
Ходит горюшко по дому,
Ходит горюшко по дому
По чужому.

Паутиной крестит угол,
На столы садится пылью,
Зеленит осьмушку хлеба.
Эй, хозяйка!

Что ж ты не метёшь, не моешь,
Горе горькое не гонишь?
Сколько можно с ним мириться,
Целоваться?

Отпусти его на волю.
Или вправду жить с ним сладко?
Или ты за нас боишься?
Эй, хозяйка!

* * *

Как мог я выбрать жизнь другую?
Я — капля на большом весле.
Я — малое перо в крыле
Земли,
Летящей в чёрном гуле.

И всё же мучаюсь виною
Того, что, не замыслив зла,
Влюбился я в перо иное
Из параллельного крыла.

И что душа? Что ум? Что внешность?
И остаётся лишь в глазах
Недосягаемая нежность,
Как паутинка в небесах.

Казнь

Картинка старая, хоть плачь:
Преступник, плаха и палач,
Бой барабанной роты.
Злодей решает: «Помолюсь».
А плаха думает: «Шатнусь».
И думает палач: «Напыюсь»,
Но опосля работы.
Не Разин и не декабрист,
А вор, убийца, аферист.
Злодей обычный, в общем.
И, в общем, тоже хочет жить.
И, в общем, жаль его губить.
Хотя и не за что любить,
А всё же сердце ропщет.
Молитва кончена. Конец.
Но вдаль смотри: а вдруг гонец
С помилованьем катит.
И думает злодей: «А что?».
И плаха думает: «А что?».
И думает палач: «Хыть что,
Мине моё заплатят».
Но нет чудесного гонца.
На душегубе нет лица.
Сейчас его зарубят.
И тело падает вперёд,
И тихо оторопь берёт,
И плачет бедный наш народ.
Он этого не любит...

* * *

Из облачка пудры.
Из капли духов,
Из вздоха Амура
Рождается дура по воле богов,
Обычная дура.

Хохочет, как демон,
И хлещет коньяк,
Вкруг пальца себя же обводит.
И ревностно ищет,
Где друг, а где враг.
Ни тех, ни других не находит.

И смотрит наутро в оконную даль,
Нечаянно вспомнив о Боге.
И пёрышки чистит,
И мерит вуаль,
И долго молчит на пороге.

* * *

Рубцов. Угрюмое затишье.
Собачьи очи. Волчий стон.
Да знал ли он, о чём он пишет,
В свои сутробы погружён.

Служа грядущему приметой,
Что тщился сеять меж людьми?
Любовь к Отчизне? К этой?
К этой!
Не к Бельгии же, чёрт возьми.

Простим его, что он когда-то,
Не посмотрев за горизонт,
Скончался, грешный, рановато
И не вступил в Народный фронт.

Чужие тучи сбились шапкой.
Простим Рубцова. Грешен был.
Хотя б за то, что деда с бабкой
Он больше гласности любил.

За то, что жил стремглав и круто
И ничего не сочинял.
И счастье с совестью не путал,
Поскольку первого не знал.

* * *

А в этом окне — девятнадцатый век,
А в этом — девятый.
А в этом идёт серебрящийся снег,
А в этом — лохматый.
А туча крадётся по дальним кустам,
Как кошка — сторонкой.
— Не хочешь согреться?
— А что у нас там?
— Да чай с самогонкой.

А ежели пламя плеснёт из окна
Да в нашу берлогу,
Скажи мне, какая нам песня нужна
И так ли мы молимся Богу?
Поклонимся ль чучелу в зимнем саду
С дырявым ведром на затылке
И странному чёрту, который в чаду
Является нам из бутылки?

Не бойся, издёрганный в кровь человек.
И будь ты хоть трижды распятый,
Из нашей любви — серебрящийся снег,
Из нашего детства — лохматый.
Ложись на подушку поближе к стене,
Под утро теплее укройся.
И если себя назовёшь ты во сне,
То я не услышу.
Не бойся.

* * *

Гитара с кокетливым бантом,
Кивок головы.
Блесни одиноким талантом,
Давай — о любви.

Поёт. А сама некрасива.
И знает, поди.
Склонилась плакучая ива.
Рыдают дожди.

И, кажется, вовсе не нужен,
Не наш и ничей
Весь этот загадочный ужин
Под трепет свечей.

Томительный звук инструмента.
Прохладность руки —
Лишь прихоть души и момента.
Судьбе вопреки.

Но так нерасчётливо длится
Прозрачный намёк,
Что каждый смертельно боится
Смотреть на порог.

Исчезнуть, пропасть, раствориться.
Сорваться листвою.
Но требует точки страница
Пред новой главой.

* * *

В небесах каких парите?
Чью подслушали молву?
Вы со мной поговорите.
Может, я ещё живу?

Может, мне не одиноко?
Может, в этот самый час
Я люблю поэта Блока.
И не думаю о Вас.

Что мы с Вами вместе значим?
А задуматься опять:
Мне теперь сам Бог назначил
Блока вечером читать.

Слаще Блока нету яда.
Почитал и уяснил:
Сочинять уже не надо,
Всё он, бедный, сочинил.

Мы — воришки и воровки.
Дух взорвался и затих.
Кстати, в способах рифмовки
Нету правил никаких.

Нужно только слушать ветер
На ветру, не взаперти.
В старом парке на рассвете
Очень медленно идти.

И дышать синичьим пеньем,
И возвышенно стареть.
И над собственным кипеньем,
Улыбаясь, пальцы греть.

* * *

Хитрим, хотя и в глотке горько,
И ни рубля.
А это кажется ведь только,
Что ля-ля-ля.

Свистим — никто не отзовётся.
Зовём. Кого?
А жить бы где-нибудь в колодце
И — ничего.

Поём, а всё же умираем.
Горим дотла.
Не в колокольчики играем —
В КОЛОКОЛА.

* * *

Поводья отпущены,
Тройка летит,
Всевышним гонима.
За каждой тройкой Всевышний следит,
За каждой струйкою дыма...

Добром не сумев поделить миражи,
По собственной воле
— О русские женщины! —
Ваши мужи
Съезжаются в поле.

Две тройки, две силы,
Два честных огня,
Святого святее.
Не ради тебя и не ради меня,
А ради идеи.

За-ради идеи сомненья гоня,
Погибнем безгрешно.
Да, если бы ради тебя и меня,
Тогда бы, конечно...

Бог надвое нам поделил каравай.
Помолимся на ночь.
Как всё это грустно,
Товарищ Чапай,
Василий Иваныч...

* * *

Кудрявое резвое чудо,
Смеясь, семенит по лучу.
— Как звать тебя, мальчик?
— Иуда.
— А хочешь малины?
— Хочу.

Ешь горстью и смейся беспечно,
И щёки измажь, и чело.
— А денежку хочешь?
— Конечно.

Вот с этого всё и пошло.

* * *

Кайся, грешник непропаций,
И за пазухой неси
Ветку вербы по бурлящей
Взбудораженной Руси,
По прострелянным проулкам,
По испуганным дворам,
По растоптанным окуркам
И разбитым фонарям.
За колеблющимся светом
В золотой счастливый век.
Слышишь? Мы ступаем следом,
Побросав оружие в снег.

* * *

Нет у людей ни гвоздей, ни муки.
Кто там играет на флейте?
Кто нас спасает от смертной тоски?
Вы ему больше налейте.

Вся чистота его солнечных глаз
Порождена соучастьем.
Пусть он, сердечный, напьётся хоть раз
До абсолютного счастья.

Как ему трудно во тьме и на дне
Нам отдавать эти звуки.
А ведь и сам на последнем ремне
Носит последние брюки.

Он понимает, что высшая есть
Воля — над ним и над нами.
Бог ему даст и попить, и поесть,
И разжиться штанами.

Бог ему высветит к небу пути,
И, сокрушаясь при этом,
Бог ему, мальчику, скажет: — Прости
Ты этих пьяных поэтов.

Вечно они на шумят и наврут,
Как несмышлёные чада.
Но и они не напрасно живут,
А потому что так надо.

* * *

Я держал в руках миллион,
Пересчитывал кое-как.
Мне принёс его почтальон,
Я подал ему на коньяк.

И шепнул себе: «Ну, держись!
Это, видимо, не к добру.
Начинаю иную жизнь.
Но сначала пойду пожру».

Водку пил и икру жевал,
Рисовал на салфетке круг,
И кого-то поцеловал
И сказал, что он — лучший друг.

Страж порядка подвёл итог,
Приказал, чтоб тушили свет.
Он мне дал посвистеть в свисток
И продал мне свой пистолет.

Дома понял, что не усну,
Потому что не знал, как быть.
И, конечно, убил жену,
Надо было её убить.

И луной, как большим сачком,
Небеса меня стерегли.
И грозился мне языком
Змей, шипящий из-под земли.

Распахну в небеса окно
И вздохну, как огонь в печи.
Потому что давным-давно
Не летал, как журавль в ночи,

Не охотился и не пел,
А заботился и считал.
Раскрошил у доски весь мел,
А умнее ничуть не стал.

Ветер — в грудь. И поёт в груди.
Ветер — в лоб. Надо лбом — луна.
Всё ревущее позади,
Впереди — одна тишина.

И качается во степи
Золотой, как подсолнух, шар.
И ворочается на цепи
Пес у входа в седой Тартар.

Он глядит, словно брат родной,
Словно тысячу лет знаком.
И здоровается со мной
Человеческим языком.

Сенека

Рабовладелец-ученый Сенека
Правильно сделал, что умер от смеха.

Выпил он яду,
Хоть яду боялся,
И от души, говорят, посмеялся.

Рабовладелец и нехристь от роду,
Он изучал человечью природу
Без перерыва,
До смертных огней.
А изучив, посмеялся над ней.

Вот и сиди,
И гадай, как козёл,
Что это он в нас смешного нашёл?

Вот и угрози ему пальцем в века.
Жаль, у насмешников жизнь коротка.

* * *

Проститутка тоже человек,
Божия слезинка.
Короток и страшен её век,
Коротка простынка.

Больше, не пеняя на судьбу,
Ни к кому не выйдет.
Вы себя не видели в гробу?
И она не видит.

У неё смиренное лицо,
Белая косынка.
У неё на пальчике кольцо,
А на лбу — морщинка.

Надо бы силенки измерять,
Нажимать на тормоз.
Знает Бог, кого когда прибрать,
Норма.

* * *

Лопни глаза!
Это ж Витька пришёл из тюрьмы!
Маленький Витька,
Угнавший по пьянке бульдозер.
Тихо прольётся мелодия русской зимы,
Вечером тёплые окна ледком приморозит.

Я не спрошу его: «Как тебе, милый, жилось?».
Вижу и сам: крутовато. Да Бог с ним. Сгорело.
Рыжая шапка поверх поседевших волос,
Словно коровья лепёшка на голову села.

Да и не стоит остывших углей ворошить.
Витька вернулся улыбчивый, а не унылый.
Он улыбается и говорит: «Будем жить».
Будем, конечно,
Куда же мы денемся, милый?

Выпьём по маленькой в честь наступившей зимы.
Есть ещё козыри в нашей затёртой колоде.
Всё же нечасто случается, что из тюрьмы
К нам в одночасье
Хорошие люди приходят.

Худо ли, бедно, наполним свои закрома
Хлебушком-солью.
А дальше и горюшка мало.
Смотрит в окно,
Головою качая, зима:
— Витька вернулся.
Давно я его не видала.

* * *

А если бы мы исчезали на десять минут
И вновь появлялись
На десять минут и не боле,
Тогда бы я понял, зачем люди песни поют,
Зачем подвывают им волки в заснеженном поле.

А если бы вдруг на века
(Боже мой, на века!)
Рассыпаться в прах и подняться всё с тем же стаканом.
Наверное, я не забыл бы лицо мужика,
Который напротив стоял с коньяком и нарзаном.

Ого! — я сказал бы ему после пары глотков, —
Я выпал на пару веков, но меня не убудет.
За пару веков я отвык от таких мужиков,
Лишь ты да ещё Брешинов — настоящие люди.

А впрочем, такое, конечно, случалось не раз.
Не раз и не два, и не три, я могу поручиться.
Но бьюсь об заклад, что, исчезнув на век или час,
Вернувшись, я встречу всё те же родимые лица.

Кровавые пятна с востока и юга — в окно.
Дрожание шапок на двух полюсах от испуга.
Но пьяный Хайям принесёт нам, вздыхая, вино
И сгинет в подсобку искать задремавшего друга.

А Пётр Брешинов головой не устанет кивать,
Болезни и бзики врачуя стихом и стаканом.
И будет напротив, как старенький Пушкин, стоять
Печальный и трезвый земляк с коньяком и нарзаном.

* * *

И кружилась птичка Божья,
И кидал ей крошки в снег
Незаевшийся прохожий,
Тоже Божий человек.

У него очки, как окна,
За которыми тепло.
У него нога промокла
И на сердце тяжело.

И, кусая от кусочка,
Птичка думала: Бог весть.
Может, маленькая дочка
У него в деревне есть.

И живёт она, как птичка,
И не знает ничего.
Вьётся по ветру косичка
Дочки маленькой его.

Потому он птичек кормит
И кидает крошки в снег.
— Плачешь?
— Плачу.
— Помнишь?
— Помню.
— Помни, Божий человек.

* * *

Красивым мелодиям место в раю,
Весёлым мелодиям место в Самаре.
Когда за столом я с Володькой пою,
У нас хорошо получается в паре.

В открытую форточку лезет февраль,
Пуская фонтаны морозного пару.
И, если чихает куда-нибудь вдаль,
С него осыпается снег на Самару.

— Я думаю вот что, влюбиться пора.
Пора, говорит, а в кого, не укажет.
София — сестра, Ангелина — сестра,
Татьяна — сестра, остальные — в продаже.

Красивым мелодиям место в раю,
Начальству — в пивной,
Мужикам — на базаре.
И всем поголовно — в посмертном строю.
Весёлым мелодиям место в Самаре.

И грустно не то, что Спаситель не спас,
А то,
Что на этом кровавом пределе
Голодные птицы счастливее нас,
А сытые птицы давно улетели.

* * *

Король уходит в тень,
Низвергнут, обречён.
И светит ночь и день
Созвездье Скорпион.

На север и на юг
Гонцы, гонцы, гонцы.
А лучшие из слуг —
Как правило, лжецы.

Под окнами штыки
И музыка, и рёв.
Сбиваются замки
С церковных погребов.

Сто тысяч деревень,
Раздайся, навались.
Король уходит в тень,
Трепещущий, как лист.

Дрожит его щека
Лягушкою во тьме.
Смерть поступью быка
Проходит по тюрьме.

И путь её далек,
И каждый шаг — закон.
И отвернулся Бог,
Но смотрит Скорпион.

* * *

О, этот ход конём!
Ошеломлённый взор.
Пылающим копьём
Судьбе наперекор.

А ты кричал: «Виват!»,
Заказывал портрет.
Заказывал цыплят
На праздничный банкет.

Смеялся с высоты,
Командовал: «Огонь!»,
О том не ведал ты,
Что у меня есть конь.

Летящий, как копьё,
Коварный, как змея.
Отчаянье моё,
Жемчужина моя.

Он падает звездой
На выручку ко мне.
Эй, смерть моя, постой,
Я еду на коне.

* * *

Снег выпадет
И не растает.
И не прервётся тишина.
Кто первый след на нём оставит?
Война.

Она войдёт, скрипя ремнями:
— Ну, что? Пошли?
И снайпер ляжет между пнями.
— Палить?
— Пали.

Огнём расколота колонна,
Но остальные — напролом.
В снегу
Застынет цепь ОМОНа
Перед Кремлём.

Взлетают в воздух мавзолеи,
И опадают купола.
Вон — по заснеженной аллее —
Война прошла.

Война прошла по волнам снега,
Уткнувшись мордой в свой предел.
И взял Господь Россию в небо.
И пожалел
Своя измученные овцы.
— А кто там ходит в этот час?
— Там только топыре литовцы.
Им хорошо теперь без нас.

* * *

На каждом корабле
Есть маленький дьявол.
Все близкие шторма
К его ладоням льнут.
Все призраки морей
При встрече гнутся в пояс,
Цепляются за борт
И Господа клянут.

Тогда трещат борта,
Как вафли и фанера,
Тогда поют «Варяг»
Сто глоток во слезах
И вспоминают жен
И даже проституток.
А время стёрто в ноль
На боцманских часах.

И тёмной тенью над
Тьмой-тьмущею хрипящей
Всегдашнее: «Прощай!
Навеки. Боже мой!».
Из пасти Сатаны
Извергнутый Голландец
Является забрать
Дьявола домой.

Он мокрого кота
Несёт с собой под мышкой,
Кряхтит, всходя на борт,
Старинный мастер зла.
Он, приняв рапорт, пьёт
В каюте валерьянку.
И спит, как волк морской,
Чья молодость прошла.

* * *

О! Это музыка такая —
Хоть руку положи в огонь.
Неизлечима страсть людская
Одна.
По имени гармонь. Одна.

Другие не такие:
Любовь, тщеславье, забытьё.
Одна, одна...
А все другие —
Лишь вечный повод для неё.

* * *

Сквозь стены ходят только кошки,
Когда они поют,
И со столов сбивают плошки,
И валерьянку пьют.

И дико пьяными глазами
Таращатся сквозь ночь.
Еда и сон в сердечной драме
Не могут им помочь.

И, уважая эту муку,
Большую, как прибой,
Им ночь протягивает руку
И манит за собой...

* * *

«Давайте мириться», — сказала змея
И вытерла слёзы.
Ликует и плачет старушка-Земля
И нюхает розы.
И думает: «Вот они, дети мои,
Как любят друг друга.
Согрело их мудрое слово змеи.
Спасибо, змеюга».

А ветер поёт, как Орфей и Баян,
Ветвей не ломая.
По жёлтым полотнам плывёт караван,
Той песне внимая.
— О, мы не погибнем в походе, друзья,
Не надо молиться.
По радио утром сказала змея:
«Давайте мириться».
От снежной земли до песчаной земли,
До крайней границы
Весёлые праздники дружно взошли,
Как стебли пшеницы.
Салюты в столице, гармошки в селе!
Ах, друг мой,
Гляди же,
Как ласточки-птицы слетают к земле
Всё ниже и ниже...

* * *

Сижу в палатке — метр на два —
Четвёртый день подряд.
Стихи писать, конечно, надо,
Но их ведь не едят.

Ну, что я, собственно, так трушу,
Сам на себя плюю?
Ведь я не Родину, не душу,
Я книжки продаю.

Они — культурное наследство,
Не то что пудра и носки.
И, между прочим, тоже средство
Не хуже водки
От тоски.

Отмечу выручку в тетрадке.
(Какая выручка? Смешно!)
Вот, жалко, света нет в палатке,
Без света вечером темно.

Пегас томится, крылья пряча.
Терпи, мой конь, мечта жива.
Сверну палатку и поскачем
Туда, где звёзды и трава,
Где перекрещены дороги
И мудрецов, и дураков,
Где у костров пируют боги,
Танцуют музы для богов.

Туда промчимся сквозь полмира
И у костра часок вздремнём.
Пришлёт нам Бог кусочек сыра
И кубок с пенистым вином.
Прольётся вечер многострунный
И будет длиться без конца.
И будет вновь Амур безумный,
Не целясь, поражать сердца.

Мой конь, приученный к порядку,
Нам всё же надобно спешить,
Не опоздать с утра в палатку
И книжки к сроку разложить.

Лети, лети, мой конь сердитый.
Не кончен пир, а всё ж пора.
Жаль
Медный кубок недопитый,
Забытый мною у костра.

* * *

Прямо не жизнь, а балет на карнизе.
Чудно и страшно.
В теплой Италии, в городе Пизе
Падает башня.
Падает башня с мольбой и тоскою
В каменном взоре.
Это же надо — несчастье какое,
Горе так горе.
Ночью проснись сиротою казанской
И цепенею:
— Мать её за ногу, как там пизанцы
С башней своею?
Не предлагайте мне
Славы и лести,
Места в круизе.
Только бы башня стояла на месте
В городе Пизе.

Только бы пьяную башню спасли
Божья любовь и участие.
Мне, сыну стонущей Русской земли,
Этого хватит для счастья.

* * *

Емеля с полатей свисает,
Босою ногой шевеля.
Емеля с печи не слезает,
Поскольку, чего это для?
Дадут ему каши с селедкой,
Дадут похлебать киселя.
А в праздник побалуют водкой.
И правда — чего это для?
Когда вдруг с полатей свисает
Лениво здоровый амбал,
Свисает, но всё ж не слезает,
Не хочет никто, чтоб слезал?
И дрогнули дряблые веки,
В глазах прояснился туман:
— Слезал...
В восемнадцатом веке...
Разок...
Погулял...
Емельян...

* * *

Беззаконие — дождь в январе.
За окном не любовь, а измена.
Январю бы гулять в серебре,
А не шляться в грязи по колено.

То ль снегирь не прогонит грача,
Дед Мороз перепутал дороги?
А в лесу, удивлённо рыча,
Вылезает медведь из берлоги.

То ли сам я давно уже сплю,
Не люблю, не пою и не пью.
Просто в небе плывёт календарь,
Пёстрых дней растянувшийся табор.
Просто раньше мне снился январь,
А теперь вот апрель иль октябрь.

Небеса — обречённая страсть.
Но мечтаю, как в детской картинке,
Уходя на работу,
Попасть
К тем, кто Там вырезает снежинки.

Не стихи, а узоры творить
Из застывшего хрупкого света.
И отзывчивым людям дарить
Серебро сочинённое это.

Чтоб светилась земля в серебре
Всею прелестью зимнего сада,
Чтобы дождик не шёл в январе,
Потому что
Кому это надо?

* * *

Небесные полки —
Наполненные чары.
Остались казаки,
Но вымерли гусары.

Намокли от тоски
Все тонкие вуали.
Остались Ермаки,
Багратионы пали.

Не кайся, мой народ,
Виною перегружен,
Когда б наоборот —
Всё было б вдвое хуже.

Оставим плуг быку,
Юпитеру — корону,
Что можно Ермаку,
Нельзя — Багратиону.

Не шпага, а кулак,
Да крест святой в подмогу.
Давай, давай, Ермак,
Прокладывай дорогу.

* * *

Поднимайте бокалы
Серебристые смело.
Веселитесь, шакалы!
Промахнулся Акела.

Замело сединою
Его старые шрамы.
Он лежит под луною
И не встанет из ямы.

И зубастая стая
Разорвёт ему спину.
И волчица седая
С ним разделит кончину.

И сверкают бокалы,
Жемчуга и медали,
И толпятся шакалы
В тронном праздничном зале,

Эти пышные шубы,
Это стройное тело,
Эти хищные зубы
Без конца и предела...

* * *

Улыбаюсь чужому посеву,
Что до самого неба возрос.
Я любил непорочную деву
До того, как родился Христос.

Я дарил ей цветы и картины,
И покрытую лаком кору,
Каждый день до её Палестины
Добирался пешком поутру.

В полумраке церковного зала,
Где пророки глядели мертво,
— Видишь солнце? — она мне сказала, —
Отвернись, не гляди на него.

Где-то хлопнула тяжкая рама
Тиховейному дню вопреки.
Меня вывели силой из храма
Две незримых, но властных руки.

Позабыты цветы и картины.
Но, сквозь времени призрачный щит,
Каждый день из своей Палестины
На меня она долго глядит.

Человечьи сердца не излиты.
Ты глядишь — и теплее в крови.
Словно ждёшь не любви, а молитвы,
Хоть молитвы — ничто без любви.

Яблоки

Райские яблоки я продаю.
Кушайте, если охота.
Их на рассвете нарвал я в раю
И протащил за ворота.

В меру застенчивый сторож седой
Спал у ворот белоснежных,
И шевелил ветерок молодой
Складки на белых одеждах.

Всё-то лицо его, как у Отца,
Было в лучах и морщинках.
Сладко цветочная пахла пыльца
На васильках и кувшинках.

Пыль и тщета на базаре земном,
Запах вина и тарани.
Кто разуверен в спасеньи своём,
Тот пропадает заране.

Чудо какое — купил и владей!
Видишь? Гляди, продаётся.
Что же ты медлишь, товарищ злодей?
А умирать-то придётся.

Райское яблочко — сладкий удел.
Ну-ка, братва, веселее!
Мало при жизни я всех вас жалел,
Дай хоть теперь пожалею.

С полным карманом закончу поход
И, пробираясь в тумане,
Сторожу-старцу, что спит у ворот,
Выделю связку тарани.

А из рублёвых бумажных орлов,
Чтобы их долго не мыкать,
Утром наделаю я воробьёв
И научу их чирикать.

Будут они и чирикать, и петь,
И в утомленьи досуга
На белоснежных воротах сидеть,
Не узнавая друг друга.

* * *

Как лошади любят сахар,
Как любит собака кость,
Как любит костёр солому,
Так ты любила меня.

Как лошади любят ветер,
Как любит собака ласку,
Как любит костёр беседу,
Так я тебя любил.

И это противоречье
Ничуть бы нам не мешало.
И даже забавно было
В противоречьи жить.

Но лошадь сжевала сахар,
Но кость сожрала собака
И невероятно быстро
Съел солому костёр.

Тогда прекратился ветер,
Тогда утомилась ласка,
Тогда прервалась беседа.

А так бы всё ничего...

* * *

А погода становится злее,
Даже птицы молчат на лету.
Почему-то я с детства жалею
Тех, кто долго стоит на мосту.

Тех, кто сам себя лечит и судит,
Избегая душевных пустот.
И стоят-то все умные люди,
Почему-то им всем не везёт.

С неба слышится ласковый тенор
И уходит асфальт из-под ног.
Под мостом притаившийся демон
Приготовил порожний мешок.

И легко, и тепло, и бесстыже,
Только мысли, как волны в реке:
О далёком подсолнухе рыжем,
Об оставшемся дома щенке.

Только лунного света латунность
Через сердце проводит черту.
Я-то знаю, о чём нужно думать,
Если долго стоишь на мосту.

* * *

У зверя глаза с поволокой,
И в каждом — холодный алмаз.
И с каждой душой одинокой
Зверь встретится с глазу на глаз.

Забудешься, словно ребёнок,
Кошмаров ночных посреди,
Когда он, как тёплый котёнок,
Уснёт у тебя на груди.

А утром, поднявшись на локте,
Увидишь, рассвет пригубя,
Какие огромные когти
Сжимают в объятьях тебя.

А сердце всё тише и тише,
И колокол тает, звоня.
А пастырь небесный всё выше,
А зверь на груди у меня.

Холодный и грозный, и лстивый
И, что характерней всего,
По-своему очень красивый.
И можно потрогать его.

* * *

За что эти вечные муки?
Как лучше — умней иль честней?
У мафии длинные руки,
У Господа Бога — длинней.

И нет ничего окаянней,
Чем, все перепутав пути,
По узкой резиновой грани
Как муха, ползти и ползти.

* * *

Что на Руси? Не таи.
— Господи, вьюга и вьюга.
— Как же там овцы мои?
— Господи, режут друг друга.

Вьюга и ночи, и дни,
След от могилы к могиле.
То ль осерчали они,
То ли с ума посходили.

Лютый, садись на коня,
Добрый, в слезах умывайся.
— Что ж они, верят в меня?
— Господи,
Не сомневайся...

Кавказский пир-96

Эта водка, что «русской» зовут,
Видно, самая горькая в мире.
Прокати нас на танке, Махмуд,
У тебя в гараже их четыре.

Мясо белой овцы на столе
Аппетитною горкою тает.
Всё равно в полупьяном Кремле
Нас никто за людей не считает.

Птица по небу пишет крылом,
Белый день письменами усеян.
Только, чур, не стрелять за столом,
А не то и пожрать не успеем.

Много ты пострелял на веку,
Но и мы повидали немало.
Ты скажи своему кунаку,
Чтоб убрал свою руку с кинжала.

Мы летим на двуглавом орле.
Будто внове. Но это не внове.
Прав писатель: «Россия во мгле».
А заря не бывает без крови.

* * *

Когда человек разлетается в клочья,
Кричит и волнуется племя сорочье,
Кричит и волнуется племя воронье:
«Убили, убили опять!».
Волнуются птички: «Да что ж это в мире?
Ведь мы же в Европе — не где-то в Заире».
И так, описавши кружочка четыре,
Спускаются вниз пировать.

И медленно-медленно тянется снизу
Душа, облачённая в смутную ризу,
Душа, не привыкшая к тяжести ветра,
Скрывая смущенье своё.
И машет руками — нет-нет! — не руками.
И смотрит глазами — нет-нет! — не глазами.
И плачет слезами — нет-нет! — не слезами.
И видят слепые её.

* * *

Может, грех? Может, поздно уже?
И не матушка будет бранить.
Есть свой колокол в каждой душе,
Да не каждая станет звонить.

Потому что гордыня горда
И спесива тщедушная спесь.
— Вам на небо?
А мне не туда.
Мне ещё полагается здесь

Есть коврижки, ругать беспредел,
Пальцем тыкать в царя-дурачка.
То ли колокол мой заржавел,
То ли нет у него языка.

Вот и ангел, рассвет вострубя,
Мне кричит, ёжась в лёгком пальто:
— Ты звони, и услышат тебя!
Слышишь, брат,
Ты звони, если что...

Новый год-2001

Осушив одним махом,
Закусив наугад —
Рядом с мусорным баком
Это полный отпад.
Обнялись бескорыстно
На задворках кафе
Мальчик в форме пятнистой
И старик в галифе.

Молча двинули к рынку,
Словно к центру земли.
Так вот дружно, в обнимку,
В новый век и вошли.

Словно в яму из ямы,
Где кресты да кресты,
Где ни папы, ни мамы,
Только ночь да менты.

В Новый — жирный, как боров.
Жалкий, как недород.
В этот новый, который
Их обоих сожрёт,
Не взгрустнув, не оплакав,
Не узнав никого.

Возле мусорных баков,
Вероятней всего.

* * *

Нет, я не человечище, не глыба.
Я человек, мороженный, как рыба,
Как пёс в обледеневшей конуре —
В палатке спекулянтской в январе.
В песках пустыни поступь каравана
Мне грезится. Иль, как сказал поэт:
«В полдневный жар, в долине Дагестана...».
О, Господи, по что меня там нет?

Зато меня тут не кусают мухи.
А если выпить триста грамм сивухи,
То жизнь предстанет радостной до слёз.
Ну что, сыграем в прятки, Дед Мороз?
Ищи меня в застуженных палатах,
Средь хрупких веток, снежных простыней,
На бельевых трапециях распятых,
Средь снежных баб и ледяных коней.

Ищи меня, как беглого смутьяна,
Не ведая, что я давно в мечтах
Лежу себе в долине Дагестана
И пью вино с улыбкой на устах.

А рядом ровно двое, как в аптеке,
Уставшие от вьюги бытия,
Лежат вповалку русские абреки,
Небритые и добрые, как я.
И злой чечен, не очень-то отважный,
По кругу ходит, как и мы небрит,
Тряся пустым стаканчиком бумажным,
И просит, весь дрожа: «Налей, джигит!».

Но я не слышу. Мне тепло и сладко
Среди небритых, как и я, друзей.
Мне снится спекулянтская палатка
И Дед Мороз, зависший перед ней —
Обманутый, усталый, постаревший.
Средь города.
Среди большой зимы.
Печальный Дед Мороз, осиротевший.
Небритый даже более, чем мы.

* * *

К. Рассадину

Я закончил свой сладкий, свой радостный труд
И упал посредине болота.
Понимаю, что нынче лежачего бьют,
Но уж больно вставать неохота.

Мне мой сладкий,
Мой радостный труд стал тяжёл —
Вот что, Костя, и мучит, и ноет.
А что гол, как сокол,
И что стар, как козёл, —
Это, Костя, и хрен бы со мною.

Всё равно наша участь с тобою легка —
Словно двух ветерков в чистом поле.
И зачем нам с тобою лететь сквозь века,
Что мы, Костя, Державины, что ли?

Где упал, там лежу, кончив радостный труд,
Заплутав средь болотного смрада.
В назиданье идущим лежащего бьют,
Так что ты не стесняйся, коль надо.

Без меня возвращайся в пустынный квартал,
Лишь тропу на болоте не путай.
А что я тебе десять рублей не отдал —
Это, Костя, от жадности лютой.

Ты и сам уже в зеркале не Аполлон,
Вот и я, заглянув туда, охнул.
Слышишь, Костя, вокруг — неразборчивый звон?
Это я своё зеркало грохнул.

Вообще все поэты пред Богом равны,
Потому,
Как бы ни был кто славен,
В зеркалах отражаться они не должны.
Даже тот,
По фамилии Державин.

* * *

Зачем я пил одеколон?
Три года он лежал в комоде.
Зачем потом гонял ворон
И песни пел на огороде?

Сгорела зорька со стыда
И возмущённая звезда
Всходить иль не всходить —
Решала.
Потом решилась — и взошла.
— Привет, подружка, как дела?
— Ты бы умылся для начала.

Любому сраму есть предел.
Прости, звезда, прости, Отчизна.
Я как-то где-то охренел
Со всем этим капитализмом.

Я как-то стал ему под стать.
Мне как-то всё едино пресно.
Что выпивать,
Что убивать,
Что целовать —
Не интересно.

Как в пьесе Горького «На дне»,
Где нет спасительного средства.
И то ли впрямь умыться мне,
А то ли сразу утереться...

* * *

Хоть кому — лишь себе не соври
Возле смерти и старости возле.
Только раз попроси о любви,
И вовек не отмоешься после.

Хоть в Испании, хоть на Руси,
Хоть в заоблачных высях, хоть спяну
Только раз о любви попроси,
Я тебя уважать перестану.

Всё получится наоборот.
Сердце лишним рубцом не обидишь.

А она к тебе всё же придёт.
Перестанешь просить —
И увидишь.

* * *

Друг мой сказочный, али забыл,
Как мы лбом вышибали ворота,
Как однажды ты всех перепил
И свалился с ковра-самолёта.

Как ты пёр, будто лось, через лес
И добрался до курьей избушки.
Вышиб челюсть какой-то старушке,
А потом целоваться к ней лез.

И гундосил: «Бабуля, прости!
С перепугу, видать, обознался.
Как мне тут на Самару пройти?
У меня там брательник остался».

Как рубил ей дрова с утраца
И к обеду покинул избушку.
А могла б
Из тебя, стервеца,
Накрутить и пельменей старушка.

Заря

Из тени выбравшись лесной,
Вдруг ахнешь на простор открытый.
Заря бывает проливной:
Взглянул —
И ты уже умытый.

Хороший. Добрый. Ждёшь чудес.
И горизонт дымком не занят.
Но почему-то
Тянет в лес
Как ни корми — а всё же тянет.

* * *

Гитара скрипке не товарищ,
У скрипки грустные глаза.
Они общаются тогда лишь,
Когда иначе им нельзя.

Они играют на скамейке
Средь вечереющей весны.
И две мелодии, как змейки,
Друг с другом переплетены.

Трепещет скрипка — ветка-веточка.
Душа гитары широка.
Как будто плачущая девочка
Нашла пропадающего щенка.

Глубина

А на дне океана,
В средоточьи тоски мировой,
Обитают разумные рыбки с цветной чешуёй.

Голубою травой подводною озарено,
Золотыми цветами украшено вечное дно.

Ни разбитых корветов,
Ни штормом затянутых шхун —
Лишь зарылся в тайге одинокий старинный гарпун.

А рука, что метнула навскидку гарпун, как копьё,
Вместе с ним затонула
И слопали крабы её.

А ещё есть нора
В самом дне, под густою травой.
Там скрывается змей
С треугольной большой головой.

Он на рыбок глядит,
С ними молча ведёт разговор.
Говорят, это он
С тем гарпуном гарпунщика спёр.

И вздыхают цветы,
И колышут пространство окрест.
И меняют расцветку, когда она им надоест.

И разумные рыбки
Носами качают цветы.
И пьянеют, как люди, в траве заплетая хвосты.

И, клянусь в три узла,
Что, плывя в измереньях иных,
Никогда не узнает высокое небо про них.

* * *

Словно южных ночей властелин,
Скачет рыцарь меж тёмных долин.
Его честная кровь горяча,
Он не чувствует тяжесть меча.
Лишь тигровая шкура на нём
Золотым отливает огнём.

Седина шелестит в бороде.
И на тысячу вёрст — никого.
И невеста его чёрт-те где.
Да и любит она не его.
И разбит путеводный фонарь,
И забыты начала начал.
На воротах распят государь,
Что полцарства ему обещал.

Десять гурий в него влюблены,
Десять демонов в прах сражены.
И уже написал пол-листа
Про него Руставели Шота.

Рыцарь, рыцарь пурпурных времён,
Там, где в розу влюблён соловей,
Растворится, как в облаке, он
В галактической славе своей.
Распахнётся страниц волшебство:
Вот он, рыцарь, спешит на войну.
Но не имя запомнят его,
А тигровую шкуру одну.

* * *

Я тайну страшную открою.
Но тс-с, о ней кричать нельзя:
Земля не вертится зимою.
Она висит
И спит, вися.

И мы висеть с ней не боимся,
И спим всю зиму напролёт.
Мы все друг другу только снимся,
И так уже не первый год.

Хлебаем счастье вместе с лихом
Во сне. И ловим снег с дождём.
Но тс-с...
Об этом нужно тихо.
А то в психушку попадём.

* * *

Кто бьётся о стену, тот выпьет до дна
Лукавую чашу стыда и успеха.
Смотри, впереди вырастает стена
Чужого, почти неприличного смеха.

Смотри, как любовь исчезает в пике,
Как гордость твою снисхождение рубит.
Смотри, как, забившись, дрожит в уголке
Последний зверёк, что тебя ещё любит.

Сиреневым ветром наполненный дом
Стареет и ты, бедолага, стареешь.
А кто там сидит на крылечке златом?
Там Зверь и Зверёныш,
Там Царь и Царевич.

— Он курит и пьёт, и считает гроши.
Ах, мама, откуда в царе столько дури?
— То Зверь окаянный,
Сынок, не брешь.
Царь-батюшка сроду не пьёт и не курит.

Царь-батюшка светлой отмечен судьбой,
Он Богу и людям служить обязался.
— Чего ж тогда Зверя он терпит с собой?
— А чтобы тот Зверь по народу не шлялся.

* * *

На убывающей луне
Всё меньше домиков песчаных,
Всё меньше холмиков туманных
В лучах, протянутых извне.

И, исчезая без следа,
Рыдают жёлтые зверюшки,
Рыдают лунные старушки,
Проваливаясь в никуда.

Такая дикая игра,
В которой вряд ли заскучаешь.
Звучит: «Пора, мой друг, пора...».
И ты внезапно исчезаешь.

И не осознанно людьми
И не измерено доселе,
Куда у них там, чёрт возьми,
Всё исчезает в самом деле!?

* * *

Вчера прощали убийцу.
Заря прогибалась вглубь,
И мутная синь втекала
В продлённую глубину.
И всполохи покаянья
Метались над чёрной речкой,
И медленно опадали
В раздумчивую волну.

Долго его прощали.
Волна замирала в штиле.
Горько его прощали,
Проникновенно, зло.
Плакали и молились.
Всю ночь прощать не хотели.
А под утро простили.
И утро пришло.

* * *

Не укоряй меня, ибо,
Век свой кончая в нужде,
Я, как летучая рыба,
Ближе и ближе к воде.

Не улыбайся так худо.
Ведь, выбиваясь из сил,
Может,
Не Счастья, а Чуда
Я в этой жизни просил.

Чудо! Лицо молодое.
Чудо! Всегда и везде.
Чтоб поднялось над водою
То, что должно быть в воде.

* * *

Белая скатерть моих ожиданий
Нынче в слезах и в крови, и в вине.
Белая скатерть моих ожиданий
Мокрою тряпкой трепещет в окне.

Утром рассеется сгусток белёсый,
Северный ветер ударит в окно.
Высушит ветер все пьяные слёзы,
Глупую кровь и густое вино.

Северный ветер волною накатит.
Грешник я, грешник у крайней черты.
Как я забыл,
Что на белую скатерть
В первую очередь ставят цветы.

* * *

У слесарей железные носы,
Покрытые морозной синевою.
Стоите
Настороженно, как псы.
Пред ними — ты,
Они — перед тобою.

Ты — жалкий плод от древа суеты
Словесной,
Не знакомый с монтировкой,
Какого чёрта перед ними ты
Склоняешься с початой поллитровкой?

Обстрелянные бытом мужики,
Они на поллитровку смотрят хитро.
Для них пол-литра лучше, чем стишки,
Но несоизмеримо хуже литра.

Глядит с календаря телезвезда,
Как арестантка, наголо побрита.
Пожалуйте на кухню, господа.
Там хорошо, и форточка открыта.
Чем Бог послал, закусим в добрый час,
Забудемся в застоллии речистом.
— А где жена?
— Сбежала на Кавказ
С любовником,
Матерым террористом.

И щёлканье ключа...
Вот и она
Вернулась...
То-то радости в народе.
Ну, где ты вечно шляешься, жена?
А то тебя тут спрашивали вроде.

Садись. Споём. Гитару принеси.
Не отводи глаза полупустые.
У мужиков железные носы,
Зато сердца — как слитки золотые.

В оазисе среди жизненных пустынь
Расслабимся, друг другу не пеняя.
Нас четверо,
Нас двое,
Я один —
Какая, в общем, разница, родная.

Нет никого. Лишь смутная заря.
Да воробьи, как чёртики, летают.
Вопрос: куда девались слесаря?
Куда они всё время пропадают?..

Пробуждение

Разрушена затянута дрёма
Двойным ударом сердца и ума.
Я тридцать лет не выходил из дома.
О, Господи! И что?
Опять зима?

Опять свистит позёмка в поле голом
И холод подымается со дна.
Кому по пояс, а кому по горло.
О, Господи! И что?
Опять она?

Пивной ларёк в снегу, как лист созревший.
И видят уцелевшие друзья:
Иду.
На тридцать лет помолодевший
И поумневший,
И непьющий
Я.

Сосед с соседом лается знакомо.
Бульдог с бульдогом. Не звезда с звездой.
Хо-хо!
«Чума на оба ваши дома» —
Как говорил Меркуцио молодой.

Мои шаги всё медленней, всё тише.
Так бреет бритва,
Так шуршит метла.
Мне только бы понять,
Зачем я вышел,
Какая меня сука позвала.

Не видится воинственного жара
В глазах прохожих.
Не блестят ножи.
Жива Россия
И жива Самара.
Зачем я вышел?
Господи, скажи.

Неужто лишь затем, чтоб не зависеть
От безрассудно запертых дверей?
Неужто для того, чтобы увидеть
Двух этих краснопузых снегирей?

Роскошная
Обломовская дрёма,
Пушистое, как кошка, колдовство.
Я тридцать лет не выходил из дома.
Я до сих пор не вышел из него.

* * *

Сирень срывая на ходу,
Проваливаясь по колено,
Нетвёрдой поступью пройду
От Мендельсона до Шопена.

Есть в звуках трубных смех и грех,
Для каждой твари переливы.
— Ты, Мендельсон?
— Я для счастливых.
— А ты, Шопен?
— А я для всех.

В цветущий свадебный сезон
Дрожит поникшая фиалка.
— О чём ты плачешь, Мендельсон,
О чём грустишь?
— Шопена жалко.

Облака

Облака — неоседлые жители
Небосвода —
Плывут по реке.
Неужели они меня видели
С этой кружкой пивною в руке?

Отшуршали над совестью падшею.
Над бухтеньем седых мужиков.
А одно из них,
Самое младшее,
Разрыдалось в районе «Дубков»,

Где приткнулись бродяги уставшие
После долгого хмурого дня.
Но одно из них,
Самое старшее,
Всё не спит и ругает меня.

Загибает словечки неновые
Возмущённый небесный старик.
Ведь они,
Облака непутёвые,
Хорошо знают русский язык.

* * *

Виденье-привиденье,
Возникшее в бреду,
Постой в углу, покуда,
Я дух переведу.

Один шажок навстречу,
Теперь ещё шажок.
А сверху, с паутины,
Нас видит паучок.

Он позабыл про муху
Как про ненужный груз.
«Не трись» — тебе он шепчет.
И шепчет мне: «Не трись!».

А воздух густ и колок,
И леденист на вкус.
В нём тысяча иголок,
Шуршание и хруст.

Колышется виденье.
Печален лёгкий вздох.
Поговорить бы нужно.
Язык, что ли, присох?

Мой друг, почто стоим мы
Так близко в лунный час?
А если говорим мы,
Почто не слышно нас?

* * *

Чиркнули чьи-то крыла
Резко о плоскость стекла.
Кто это? Кто это? Ш-ш...
Это — летучая мышь.

Ночью звереет она,
Словно шакал, голодна

И не боится котов
Или же прочих скотов.

И разгоняет взашей
Всех сухопутных мышей.

Хроноскаф

Вдруг очнулись от краткого сна,
Как мужик за столом в общепите.
Хроноскаф отсчитал времена
И сказал, дребезжа:
«Выходите».

Светлый терем притих без властей,
Два холопа прервали беседу:
«Князь уехал стрелять лебедей,
Говорил, что вернётся к обеду».

Лебедей пострелять хорошо.
Покалякаем с князем ишо. •
Как живёте, ребята-холопы,
На краю просвещённой Европы?

Сколько ступлено острых мечей?
Сколько ржи уродилось в поле?
Сколько умерло в год палачей
От инфаркта иль в горьком запое?

Слава Богу живём, не таясь,
Но не сами по жизни решаем.
Перед Богом в ответчиках — князь.
А Европу мы не обижаем.

Князь заходит, хромая, с клюкой,
Несуразный и злой человек.
Вот такой, вот такой, вот такой —
И отец, и судья, и ответчик.

Держит в памяти крепче всего,
Как народ прокричал ему славу,
И как плечи дрожали его,
На себя принимая державу.

Он изрублен, коварен, жесток,
Обернётся то тигром, то змеем.
Он один.
Пожалей его, Бог.
Мы другого пока не имеем.

* * *

Частенько ночью, но порой и днём
Я ощущаю, сам собой судим,
Внутри себя огромный детский дом.
Но в этом доме я живу один.

В любом расцвете солнечного дня
Сюда почти не проникает свет.
Ни папы и ни мамы у меня,
И окон в этом доме тоже нет.

Я, как лунатик, в темноте бреду
И плачу, и боюсь, что заперт вход.
И пять десятков лет сиротски жду,
Когда за мною кто-нибудь придёт.

* * *

Ужель без любимых людей
Жизнь стёртая, словно пятак?
Ямщик, не гони лошадей!
— Дык я их ишо не запряг.

Так, значит, мерещится вновь
Земли и небес на краю.
Ямщик, что такое любовь?
Скажи, а иначе убью.

— И счастье, и грех, и беда
Для нас, для приличных людей.
Любовь —
Это, барин, когда
Мне хочется гнать лошадей.

* * *

Надоевшие до одури.
Отлюбившие глаза.
Ветер, падающий в обморок,
Попадает в небеса.

И глядит вокруг растерянно:
Это что за облака,
Это что за мир немеряный
Приоткрылся свысока.

Дышит весело и яро,
Как весенняя трава.
Это что?
Опять Самара?
Я-то думал, что Москва.

* * *

Не ищи меня. Я здесь.
На снегу или в траве.
Я все время где-то есть
Словно козырь в рукаве.

Словно семечко в земле,
Словно впадина следа.
Словно капля на крыле
В дождь попавшего дрозда.

Где же ты, душа моя?
Вдалеке иль взаперти?
Ты дотронься: вот он я!
Размышляю: где же ты?

Мой измученный зверёк.
Обгоревшая тетрадь,
Видишь, как я занемог
И устал тебя искать.

С кровью яркой уголёк
Подкосил наверняка.
Я сжигал тебя, как мог,
Но — клянусь — не сжёт пока.

Грязно пальцами листал,
Грузно встав из-за стола.
Хорошо, что не продал,
Хоть, признаюсь, мысль была.

Успокойся и уймись.
Не исчерпан в сердце стыд.
Не казнит Господь за мысль.

Или всё-таки казнит...

* * *

С чего бы комарам плодиться,
Земле не в радость и не в зло.
Я понимаю, если птица
Или змея,
Куды ни шло.

И, словно смерч на смену бриза,
Истошный вопль среди ночей:
— Понятно, если Мона Лиза,
Но я зачем в довесок к ней?

Или как часть духовной смуты,
Как хворост, собранный в лесу?
Иль просто вовремя кому-то
Однажды спичку поднесу.

И он, сбив пепел на окурке,
Поправив галстук и пенсне,
Объявит прессе и стране:
«Всё относительно, придурки».

* * *

Календаря число
Кажется нереальным.
Сколько же дней прошло
В городе виртуальном?

Льда истончал настил,
Нету ему спасенья.
Как же я пропустил
Вербное воскресенье?

Лоб промокну рукой:
Господи! Это что же?
И президент другой...
И губернатор — тоже...

Женщина, не кричи.
Лучше скажи о деле.
Может быть, и грачи
К нам уже прилетели?

Форточкою скрипя,
Воздух вздохну весенний.
Как же я без тебя,
Вербное воскресенье?

* * *

Мысли чёрные —
Чертята.
Их с утра не перечесть.
Я их сам родил когда-то,
Вот они во мне и есть.

Вот они теперь и пляшут,
Стайки злобных чертенят.
Бойко хвостиками машут
И плюются, и визжат.

Ох, ребята-чертенята —
Тьма на голову мою.
Сам я вас родил, ребята,
Значит сам вас и убью.

Уничтожу за бездарность,
За приверженность гульбе.
И снискаю благодарность
От людей и ФСБ.

Поостыли? Попритихли?
Что теперь?
Да ничего.
Всё же собственные мысли
Убивать трудней всего.

* * *

Когда окончу Университет —
А это обязательно случится —
Я научусь сквозь плотные ресницы
Смотреть на то, чего на свете нет.

Пройдусь перед чертой и за чертой,
За все загадки знанием отомщённый.
И мне протянет лапу кот учёный,
Позвякивая цепью золотой.

Когда окончу...
(А когда — Бог весть)
Воскликну изумлённо и уныло:
«Ого! Вот значит, как оно всё было!
Ага! Вот значит, как оно всё есть...».

И разграничу свет и пустоцвет,
Трещотки
И Божественные громы.
Когда окончу Университет,
Мне будут ни к чему уже дипломы...

Содержание

Тринадцатая строка.....	3
«Как змея, соскользнув со ствола...»	4
Бродяга	5
«Один лишь раз в судьбе непышной...»	6
«Твои рассыпанные зёрнышки...»	7
«А город пуст, как степь сама...»	8
Новогоднее	10
«Коснётся крылом в одночасье...»	11
«Говоришь ей: «Дорогая...»	12
«Кто расстался с надеждой...»	13
Свечи	14
«В могиле неизвестного поэта...»	15
«Лихо зеркало горит...»	16
«У английской королевы...»	17
«Мороз морозит зло...»	18
«Потеряла мужика...»	18
«Ни огня во мраке длинном...»	19
Девочка	20
«Один врунишка-хвастунишка...»	21
«Ночь. Прогулки по полю...»	22
«Ах, ничего не понимая...»	23
«Как просто. Кружится в тоске...»	24
«Глядит со снимка под стеклом...»	25
«Рябина. Радость. Первый снег...»	26
«Её не остановишь...»	27
«Ну вот и дожди подросли большие...»	28
«Пока меж нами длилась драма...»	29
Аборт	30
«Всё окончится праздничным пеньем...»	31
«Что, казалось бы, в жизни случится...»	32
«Мир прочностью внешней обманчив...»	33
Воспоминание о Чёрной дыре.....	34
«Отчаяться сердцем...»	36
«Оно ходит по серой метели...»	38
«Хоть столица, хоть задворки...»	39
«Дедушки — все бунтари...»	40

«Крона осени красна...»	41
«За хмурость в окнах побрани меня...»	42
«Вот так случайно и поспешно...»	43
«Дождику капать и капать...»	44
«На базаре, в шумихе воскресной...»	45
«Сказала берёза берёзе...»	46
«Я больше ни с кем не вражду...»	47
«Ни плащом, ни курткой венскою...»	48
Комета	49
«Пахнет рассветом. Тоскливо в природе...»	50
«Ума у кого бы занять?...»	51
«Вся наша старая семья...»	51
«Как старым пальто, я согрелся безмолвьем ночным...»	52
«Смолоду мягче перины кошма...»	53
«Не я летел и пел...»	54
«Приходит осень понемногу...»	55
«Черно ли, бело ли в округе...»	56
«Кого нашли в капусте...»	57
«Молча петь — это тихая честь...»	58
«Запели птенцы и цветы подросли...»	59
«Только раз и бывает такое...»	60
«Любовь рождается со смехом...»	61
«Слышишь: тает за кирпичную стеной...»	62
«О женихе забыла...»	63
«Нету в доме домового...»	64
«В жёстких корках семейный альбом...»	65
«Пока он любил её искрой последней в душе...» ...	66
«Грусть, конечно, не искусство...»	67
«Легко ли грешной жизни радоваться?...»	68
«Богиня охоты!..»	69
«Быть частью бури...»	70
«В степи не холодно ничуть...»	71
«Казак из вольницы Степана...»	72
«Певицы тонкий голосок...»	73
«А если намертво скрутили...»	74
«Спросите у косых дождей...»	75
«Как сладко жать! Жечь свет в окошке...»	75

«Только тем я и буду утешен...»	76
«У чужого человека...»	77
«Как мог я выбрать жизнь другую?..»	78
Казнь	79
«Из облачка пудры...»	80
«Рубцов. Угрюмое затишье...»	81
«А в этом окне — девятнадцатый век...»	82
«Гитара с кокетливым бантом...»	83
«В небесах каких парите?..»	84
«Хитрим, хотя и в глотке горько...»	85
«Поводья отпущены...»	86
«Кудрявое резвое чудо...»	87
«Кайся, грешник непропаций...»	88
«Нет у людей ни гвоздей, ни муки...»	89
«Я держал в руках миллион...»	90
Сенека	92
«Проститутка тоже человек...»	93
«Лопни глаза!..»	94
«А если бы мы исчезали на десять минут...»	95
«И кружилась птичка Божья...»	96
«Красивым мелодиям место в раю...»	97
«Король уходит в тень...»	98
«О, этот ход конём!..»	99
«Снег выпадет...»	100
«На каждом корабле...»	101
«О! Это музыка такая...»	102
«Сквозь стены ходят только кошки...»	102
«Давайте мириться», — сказала змея...»	103
«Сижу в палатке — метр на два...»	104
«Прямо не жизнь, а балет на карнизе...»	106
«Емеля с полатей свисает...»	107
«Беззаконие — дождь в январе...»	108
«Небесные полки...»	109
«Поднимайте бокалы...»	110
«Улыбаюсь чужому посеву...»	111
Яблоки	112
«Как лошади любят сахар...»	114
«А погода становится злее...»	115

«У зверя глаза с поволокой...»	116
«За что эти вечные муки?...»	117
«Что на Руси? Не таи...»	117
Кавказский пир-96	118
«Когда человек разлетается в клочья...»	119
«Может, грех? Может, поздно уже?...»	120
Новый год-2001	121
«Нет, я не человечище, не глыба...»	122
«Я закончил свой сладкий, свой радостный труд...»	124
«Зачем я пил одеколон?...»	126
«Хоть кому — лишь себе не соври...»	127
«Друг мой сказочный, али забыл...»	128
Заря	129
«Гитара скрипке не товарищ...»	129
Глубина	130
«Словно южных ночей властелин...»	131
«Я тайну страшную открою...»	132
«Кто бьётся о стену, тот выпьет до дна...»	133
«На убывающей луне...»	134
«Вчера прощали убийцу...»	135
«Не укоряй меня, ибо...»	136
«Белая скатерть моих ожиданий...»	137
«У слесарей железные носы...»	138
Пробуждение	140
«Сирень срываю на ходу...»	142
Облака	143
«Виденье-привиденье...»	144
«Чиркнули чьи-то крыла...»	145
Хроноскаф	146
«Частенько ночью, но порой и днём...»	148
«Ужель без любимых людей...»	149
«Надоевшие до одури...»	150
«Не ищи меня. Я здесь...»	151
«С чего бы комарам плодиться...»	152
«Календаря число...»	153
«Мысли чёрные...»	154
«Когда окончу Университет...»	155

Евгений Петрович Чепурных

ПЕРЕЛЁТНОЕ СЧАСТЬЕ

Стихи

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Ольгу Васильевну Рыбакову,

Лидию Алексеевну Анохину

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.12.2007. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 10,0 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 600 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Книга»

г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 404, телефон (846) 267-36-82